

**Методология исследования религии
в философии и социологии Макса Вебера**

© 2020 г. И.Н. Яблоков

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет,
Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.*

E-mail: tezarelig@gmail.com

Поступила 27.12.2019

В статье раскрыты истоки философии и социологии Макса Вебера – идеи немецких философов о разделении наук о природе и наук о культуре и их методов, о взаимосвязи объяснения и понимания феноменов социальной действительности. Показано, что, приняв указанные различия, М. Вебер развил и уточнил решения предшественников. Охарактеризованы подходы М. Вебера к анализу социального познания и реализация этих подходов в исследовании религии. Описывается эвристический прием построения «идеального типа», применяемый М. Вебером в ходе исследования того или иного социального явления, вскрывается роль построения М. Вебером «идеальных типов» в процессе социального познания. Зафиксировано и описано построение М. Вебером «идеального типа» «христианство». Раскрыто сформулированное М. Вебером понятие «религия»: религия характеризуется им как способ придания смысла социальному действию, в качестве явления культуры она задает и поддерживает соответствующие смыслы. Показано раскрытие М. Вебером основы религии – переживание «иррациональности мира» и человеческой жизни. Вскрыт анализ М. Вебером «этики религий».

Ключевые слова: социальное познание, методология, идеальный тип, науки о природе, науки о культуре, объяснение, понимание, основы религии, иррациональность мира, способы религиозного освоения мира, христианство, этика религий, дух капитализма.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–5–49–56

Цитирование: Яблоков И.Н. Методология исследования религии в философии и социологии Макса Вебера // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 49–56.

Methodology for the Study of Religion in Max Weber's Philosophy and Sociology

© 2020 Igor N. Yablokov

*Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovskiy av., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.*

E-mail: tezarelig@gmail.com

Received 27.12.2019

The article deals with the origins of the philosophy and sociology of Max Weber – that is with the ideas of German philosophers on the separation of the natural sciences and cultural sciences and their methods, on the relationship of the explanation and understanding of the phenomena of social reality. It is shown that, having adopted these distinctions, M. Weber developed and refined the ideas of his predecessors. The approaches of M. Weber to the analysis of social cognition and the implementation of these approaches in the study of religion are characterized in the article. The heuristic method of constructing an “ideal type”, which is used by M. Weber in the course of researching a particular social phenomenon as well as in the process of social cognition, is described. The article analyses the construction of M. Weber's “ideal type” of “Christianity”. The concept of “religion” formulated by M. Weber is revealed: religion is characterized by him as a way of giving meaning to social action, and as a cultural phenomenon religion defines and supports the corresponding meanings. The disclosure of the foundations of religion by M. Weber is shown – the experience of the “irrationality of the world” and human life. An analysis by M. Weber of the “ethics of religions” is revealed.

Keywords: social cognition, methodology, ideal type, nature sciences, cultural sciences, explanation, understanding, the basics of religion, the irrationality of the world, methods of religious exploration of the world, Christianity, ethics of religions, the spirit of capitalism.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–5-49-56

Citation: Yablokov, Igor N. (2020) “Methodology for the Study of Religion in Max Weber's Philosophy and Sociology”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2020), pp. 49–56.

«Новая философская энциклопедия» называет М. Вебера (1864–1920) – «социолог, историк, экономист» [Гутнер 2010, 373]. Было бы своевременно принять во внимание мысли немецкого философа Карла Ясперса (1883–1969), высказанные в «Речи памяти Макса Вебера» перед студентами Гейдельбергского университета 17 июля 1920 г.: Ясперс считал Вебера философом, но «не философом в известном уже до него смысле. Он наполнил идею философии новым содержанием... Он придал философской экзистенции современный характер. Если мы сомневались, существуют ли теперь еще вообще философы, то на примере Макса Вебера могли видеть, каким должен быть философ сегодня. Сущность философской экзистенции это сознание абсолютного, деятельность и поведение...» [Ясперс 1994, 564].

К. Ясперс при характеристике философии М. Вебера использует язык экзистенциализма (подробнее см.: [Ясперс 1991]). Конечно, в ходе исследований воззрений М. Вебера можно использовать и иной язык. В данном контексте важно принять во внимание усмотрение К. Ясперсом философской составляющей в наследии М. Вебера.

Макс Вебер внес вклад в развитие философии и методологии социального познания. Он выявлял качества субъекта социального познания, анализировал особенности познавательной деятельности этого субъекта, разрабатывал методы социального познания, в ходе осмысления социальных явлений и процессов раскрывал специфику социального знания.

Непосредственными предпосылками становления методологии социального познания М. Вебера были концепции немецких философов – неокантианцев Вильгельма Виндельбанда (1848–1915), Генриха Риккерта (1869–1936), Эрнста Кассирера (1874–1945) (подробнее см.: [Виндельбанд 2007; Кассирер 1993]) и представителя философии жизни Вильгельма Дильтея (1833–1911).

М. Вебер принял проведенное В. Виндельбандом, Г. Риккертом, Э. Кассирером разделение наук на науки о природе и науки о культуре, различение методов тех и других. Проведя сравнительный анализ их идей, М. Вебер уточнил и развил эти идеи. Науки о природе используют генерализирующий, номотетический метод, формулируют общие законы и на их основе каузально объясняют природные явления. В науках о культуре применяется индивидуализирующий, идиографический метод, поскольку интерес исследователя направлен на своеобразное, особенное в общественной жизни и имеет дело с изучением духовных процессов. Науки о культуре стремятся прежде всего понять социальные явления в их культурном значении; оно не может быть выведено с помощью общих законов, а предполагает соотнесение явлений культуры с идеями ценности. Познание культурной действительности всегда ведется с особых точек зрения, так как исследователь сам является человеком определенной культуры, способным занять позицию по отношению к миру и придать ему смысл.

Вместе с тем М. Вебер обращал внимание на то, что социальные науки стремятся познать социальную действительность не только в ее культурном значении, но и в каузальной связи. Однако социальная действительность иная, чем природная. Число и разнообразие причин, которые определяют какое-либо индивидуальное событие в социальной действительности, всегда бесконечны, и исчерпывающее каузальное сведение конкретного явления во всей полноте его свойств практически неосуществимо. Поэтому каждый раз необходимо выявлять конкретные причины индивидуальных событий, а знание общих законов является только средством исследования. Степень значимости каких-то факторов зависит от того, к какому типу причин сводятся элементы данного явления, которые в данном случае считаются важными.

Разрабатываемая М. Вебером «понимающая социология» имела предпосылки в идеях В. Дильтея (подробнее см.: [Дильтей 1992]). В. Дильтей считается основателем «понимающей психологии»; он принимает разделение наук о природе и наук о духе и соответственно выделяет методы объяснения и понимания. Объяснение осуществляется с помощью рассудка в науках о природе на основе каузального анализа. Понимание реализуется в науках о духе посредством интуитивного проникновения одной жизни в другую. Духовно-научная психология истолковывает феномены психической сферы как «смысловые образования», включенные в историю культуры. В духовной психологии главным является не причинное объяснение духовной жизни, а ее понимание посредством соотнесения внутренних смыслов переживаний с миром культурно-исторических ценностей, воплощенных в духовной культуре – в искусстве, религии, морали, праве. Понимание, обращенное к культуре прошлого, осуществляет интерпретацию, истолковывает отдельные явления как элементы духовной жизни воссоздаваемой эпохи. Такое понимание-интерпретацию Дильтей назвал герменевтикой. С точки зрения Дильтея, герменевтика есть учение об искусстве истолкования письменно зафиксированных литературных источников.

Приведенные идеи В. Дильтея Макс Вебер принял во внимание при разработке содержания «понимающей социологии», но решительно заявил: «понимающая социология не есть часть “психологии”» [Вебер 1990⁶, 499]. Когда социальные действия «объясняют», это отнюдь не означает, что их выводят из “психических” данных; напротив, это означает, что их стремятся вывести из ожиданий (и только из них), которые субъективно связываются с пониманием *объектов*... и которые могут быть с этим связаны на основании значимого опыта» [Там же, 499–500].

Принимая проведенное В. Дильтеем различие процедур понимания и объяснения, М. Вебер трактует их соотношение иначе, чем предшественник. М. Вебер подчеркивает, что понимание достигается посредством истолкования, но одинаковое поведение может основываться на самых различных мотивах. Поэтому истолковывающее понимание необходимо соотносить с каузальным объяснением истоков тех или иных мотивов.

Плодотворной и весьма важной для решения современных методологических проблем социального познания является разработка М. Вебером концепта «идеальный тип» как познавательного приема исследования конкретных социальных фактов и процессов. Идеальный тип как познавательный прием, по словам М. Вебера, «может быть эвристическим» [Вебер 1990^а, 389] методом. Согласно М. Веберу, идеальный тип конструируется познающим субъектом в соответствии с определенной точкой зрения, на основе того или иного культурного интереса. Это – мысленный образ, он не является воспроизведением исторической реальности, а получен посредством одностороннего «усиления» определенных элементов действительности. В идеальном типе фиксируются не родовые признаки, а своеобразие явлений культуры. Идеальный тип представляет собой «мысленную конструкцию для измерения и систематической характеристики *индивидуальных*, то есть значимых в своей единичности связей, таких, как христианство, капитализм и пр.» [Там же, 400]. И далее: «...цель образования идеально-типических понятий всегда состоит в том, чтобы полностью довести до сознания не родовые признаки, а *своеобразие* явлений культуры» [Там же].

В реальной действительности аналог такому мыслительному образу в его понятийной чистоте нигде эмпирически не обнаруживается, но в нем представлены значимые в своем своеобразии черты культуры, взятые из действительности. Соотнесение эмпирического явления с идеальным типом помогает осознать его культурное значение. По своему содержанию идеальная конструкция носит характер «утопии» (подробнее см.: [Там же, 389–392]), полученной посредством *мысленного* усиления определенных элементов действительности. Можно создать целый ряд «утопий», но не одна из них не обнаружится в эмпирической действительности в качестве реального общественного устройства.

Используя метод конструирования, можно создать идеальные типы самых различных явлений – рынка, городского хозяйства, ремесла, капиталистической культуры, общества и т. д., и тогда появятся их «идеи», «идеальные типы». Тот же принцип М. Вебер предлагает применить в анализе религиозных явлений, соответственно, создать идеальные типы: «христианство», «христианство Средних веков», «христианская вера», «церковь», «секта» и пр. Вебер следующим образом конкретизирует методологию построения идеальных типов: «Все изображения “*сущности*” христианства, например, являют собой идеальные типы, всегда и неизбежно весьма относительно и проблематической значимости, если рассматривать их как историческое воспроизведение эмпирической реальности; напротив, они обладают большой эвристической ценностью и большой систематической ценностью изображения, если пользоваться ими как понятийными средствами для *сравнения* и сопоставления с ними действительности. В этой их функции они совершенно необходимы» [Там же, 397–398].

Разрабатываемая Вебером понимающая социология содержит теорию социального действия. Социология дает истолковывающее понимание и посредством этого каузальное объяснение такого действия. Действие индивида является социальным, если имеет субъективный смысл, то есть 1) субъективно осмысленное, соотносится с поведением других людей; 2) ориентировано на ожидание определенного поведения других; и в соответствии с этим 3) сопровождается субъективной оценкой шанса на успех собственных действий. Не все действия, в том числе и внешние, являются социальными. Внешнее действие не может быть названо социальным, если оно ориентировано только на вещные объекты; внутреннее отношение носит социальный характер лишь в том случае, если оно ориентировано на поведение других. Например, действия религиозного характера не социальны, если они не выходят за пределы созерцания,

прочитанной в одиночестве молитвы [Вебер 1990^б, 625]. Объективно осмысленно соотнесены с внешним миром, и в частности, с действиями других, и аффективные действия, и такие косвенно релевантные для поведения «эмоциональные состояния», как «чувство собственного достоинства», «гордость», «зависть», «ревность». Однако понимающую социологию интересуют не физиологические и не чисто психологические данные. Социология занимается смысловой соотнесенностью действия.

При рассмотрении социального действия М. Вебер использует понятие «рациональность». По его мнению рациональность представляет собой последовательное упорядочивание и оформление социальных интересов в соответствии с определенными идеями. Рациональность – это некоторый образ духа, направление смысла действия. С помощью понятия «рациональность» объясняется возникновение западного образа жизни. Религиозные факторы и связанные с ними представления о долге принадлежат к важнейшим формирующим элементам образа жизни. Между религией и рациональностью, независимо от их конкретных форм, существует неразрывная связь. Рациональность находит выражение и в объяснении религией мира, и в повседневной этике религий.

По основанию рациональности и осмысленности ориентации действия М. Вебер дает следующую классификацию типов социального действия: 1) целерациональное действие; 2) ценностно-рациональное действие; 3) аффективное действие; 4) традиционное действие.

Целерациональное действие характеризуется ясным осознанием действия, соотношением цели, средств и результатов; в нем содержится ожидание определенного поведения людей и это ожидание используется для рационально направленных и регулируемых целей; критерием рациональности является успех. Ценностно-рациональное действие основано на вере в этическую, эстетическую, религиозную или иную ценность независимо от успеха. Аффективное действие реализуется через аффекты и чувства. Традиционное действие совершается через привычку [Вебер 1990^б, 495–496]. В последних двух типах рациональность сводится к минимуму. В различных обществах преобладают те или другие типы. Для Европы характерно целерациональное действие, которое развивалось под влиянием этики протестантизма (кальвинизма, пуританизма). Самым эффективным религиозным действием является действие, содержащее творческое начало. Однако религиозное социальное творческое начало никогда не является массовой религиозностью: его Вебер называет «виртуозной религиозностью». По мере развития каждая религия формирует слои, обладающие «виртуозной религиозностью».

По мнению Вебера, предпосылку религии образует проблема смысла, которая возникает из переживания «иррациональности мира» и человеческой жизни. В экстремальном виде эта иррациональность проявляется в смерти, страдании, гибели, нравственной испорченности. Всякая религия претендует на то, чтобы быть способом практического овладения действительностью, обеспечить господство человека над обстоятельствами повседневной жизни. Вебер выделяет несколько направлений, по которым религия овладевает миром.

Религия в качестве явления культуры задает и поддерживает соответствующие смыслы. Тем самым она вносит «рациональность» в объяснение мира и в повседневную этику; иррациональность соотносится с рациональностью, бессмысленность со смыслом. Религия концентрирует смыслы, на ее основе переживание мира переходит в мирознание, в котором вещам придается определенный смысл. Неоднородные элементы действительности сплетаются в систематизированный космос. Данные эмпирического опыта объединяются более или менее рациональным способом в представлении о мире, которое квалифицирует происходящие события как смыслозначимые или бессмысленные. Особое значение в человеческой жизни имеют отдаленные цели, и прежде всего цель всех целей, синтезирующая другие, более частные цели. Эту цель задает основополагающая нравственно-религиозная идея спасения, воздаяния за беды, невзгоды и несчастья, пережитые человеком в жизни.

Религиозная интерпретация мира является средством освоения многочисленных смыслов окружающей действительности для формирования адекватных смыслов действия. В этом случае иррациональность воспринимается в форме переживания многих возможностей поведения, разнообразных способов действия. Верование обеспечивает религиозное осмысление повседневной жизни людей.

Религия создает иерархически построенную систему норм, в соответствии с которой одни действия разрешены, другие запрещены, и тем самым определяет моральные позиции по отношению к миру. Религия воспитывает у своих последователей способности рационализации окружающей действительности.

Значительное внимание М. Вебер уделял рассмотрению влияния религии на различные области общественной жизни, в том числе и прежде всего на экономику. В этой связи он раскрывает свое понимание «хозяйственной этики» религии. Вебер замечает, что его «интересуют не этические теории теологических компендиумов, которые служат лишь средством познания (при некоторых обстоятельствах, правда, важным), а коренящиеся в психологических и прагматических религиозных связях **практические импульсы к действию**... Хозяйственная этика не является простой «функцией» форм хозяйственной организации, так же, как она не может сама по себе однозначно их создавать» [Вебер 1994, 43].

М. Вебер рассматривает ряд религий: христианство, буддизм, иудаизм, индуизм, конфуцианство, даосизм и др. Он проводит их сравнительный анализ под углом зрения влияния на экономику соответствующих религиозных хозяйственных этик, степени рационализации хозяйственной деятельности этими этиками. Он полагает, что степень рационализации обратно пропорциональна количеству магических элементов в религиях.

Значение религиозных мотивов социального действия, «практических импульсов к действию», а также связь некоторых форм религиозности с определенными слоями общества Вебер анализирует и в контексте факторов развития капитализма в Западной Европе [Вебер 1990^г, 44–49, 104–107, 193–208]. Он ставит вопрос: какое сцепление обстоятельств привело к тому, что именно на Западе, и только здесь, возникли такие явления, которые развились в направлении, получившем универсальное значение? Наиболее рациональным типом хозяйствования, писал Вебер, считается капиталистическая система, которой присущи «дух капитализма», своеобразное «хозяйственное мышление», «специфически буржуазный профессиональный этос». Дух капитализма понимается как «этически окрашенная жизненная максима», возбуждающая стремление к богатству и обуславливающая рационализацию получения дохода. С другой стороны, в религиях существует определенная «хозяйственная этика», которая разнится в зависимости от *credo*, главных ориентаций той или иной религии. Вебер выявляет религиозные основы мирского аскетизма, раскрывает профессиональную этику аскетического протестантизма. «Историческими носителями аскетического протестантизма...являются, в первую очередь, следующие четыре направления: 1) кальвинизм *в том его облике*, который он имел в ряде западноевропейских стран, где завоевал господство в XVII в; 2) пиетизм; 3) методизм; 4) вышедшие из анабаптистского движения секты. Ни одно из этих направлений не было полностью изолировано от остальных» [Там же, 136].

М. Вебер отмечает связь между учениями кальвинизма, других пуританских сект и развитием капиталистического духа на Западе. Он оспаривает «столь нелепый доктринальный тезис», будто дух капитализма мог возникнуть только в результате влияния определенных сторон Реформации, якобы породившей капитализм как хозяйственную систему. Однако Вебер полагает, что религиозное влияние играло определенную роль в качественном формировании и количественной экспансии капиталистического духа; особенно важное значение для его развития имели пуританское требование аскетической жизни и понимание профессионального призвания. Мирская аскеза пуританизма решительно отвергала непосредственное наслаждение богатством, стремление к показной роскоши. Борьба с приверженностью к материальным благам

была борьбой с нерациональным использованием имущества; требовалось не умерщвление плоти, а рациональное употребление богатства, которое служило бы необходимым и практическим целям. Кальвинизм рассматривал профессиональное призвание, «труд по призванию», как средство «религиозной гигиены» и даже «знак милости Божией». Все это соответствовало потребностям капиталистического хозяйства. Рационализация христианских представлений в ходе Реформации выступает, таким образом, важным фактором рационализации системы хозяйствования. На Западе капитализм не мог бы получить такого развития, если бы на его дух не повлияла «хозяйственная этика» кальвинизма. Вебер прослеживает также воздействие хозяйственной жизни, развивавшейся под влиянием христианства, на структуру общества, социальное расслоение и т. д.

М. Вебер ставит и решает важный методологический вопрос об объективности получаемого социального знания. Этот вопрос он решает в контексте анализа приема построения идеального типа в ходе исследований социального.

Идеальный тип отличен от оценивающего суждения. Однако в ходе исследования осознано или не осознанно идеальные типы оказываются «образцами», указывают, каким явление должно быть. Тем самым в идеальные типы вводится «идеал», с которым исследователь соотносит действительность как с ценностью, а значит, в понятия вводятся оценочные суждения. Трансцендентальная предпосылка всех наук о культуре состоит в том, что мы сами являемся людьми культуры, что мы обладаем способностью и волей занимать определенную позицию по отношению к миру и придавать ему смысл. И этот смысл становится основой наших суждений о различных явлениях совместного существования людей, заставляет нас отнестись к ним (положительно или отрицательно) как к чему-то имеющему для нас культурное значение. Вебер пишет: «...Элементарным долгом самоконтроля ученого... является резкое разделение между сопоставительным соотношением действительности с идеальными типами в логическом смысле слова и оценочным суждением о действительности, которое отправляется от идеалов. “Идеальный тип” в нашем понимании... есть нечто, в отличие от *оценивающего* суждения, совершенно индифферентное и не имеет ничего общего с каким-либо иным, не чисто логическим “совершенством”» [Вебер 1990^а, 399].

О возможности включения оценки в идеальный тип Вебер говорит и при использовании приема построения идеального типа в ходе анализа христианства. Идеально-типические образы христианства «хотят быть или неосознанно являются идеальными типами не только в логическом смысле, но и в практическом смысле, а именно стремятся быть “образцами”, которые... указывают на то, каким христианство, по мнению исследователя, должно быть, что исследователь считает в нем существенным, сохраняющим постоянную ценность. Если это происходит осознанно или, что случается чаще, неосознанно, то в идеальные типы вводятся идеалы, с которыми исследователь соотносит христианство как с ценностью... В этом своем значении “идеи”... уже не чисто логические вспомогательные средства, не понятия, в сравнении с которыми сопоставляется и *измеряется* действительность, а идеалы, с высоты которых о ней выносятся оценочные суждения. Речь идет уже не о чисто теоретической операции отнесения эмпирических явлений к ценностям, а об оценочных суждениях, введенных в “понятие” христианства. Именно потому, что идеальный тип претендует здесь на эмпирическую значимость, он вторгается в область оценочного толкования христианства – это уже не эмпирическая наука; перед нами личное призвание человека, а не образование идеально-типического понятия» [Там же, 397–398].

М. Вебер подчеркивал значение «научной критики идеалов и оценочных суждений». Объективная значимость эмпирического знания состоит в том, что «данная действительность упорядочивается по категориям в некотором специфическом смысле субъективным, поскольку, образуя предпосылку нашего знания, они связаны с предпосылкой ценности истины» [Вебер 1994, 412]. По мнению Вебера, в области социальных наук о культуре возможность осмысленного познания того, что существенно в потоке событий, связана с постоянным использованием специфических точек зрения, соотносящих события в конечном итоге с идеями ценностей. По Веберу, «в каждой

исторической проблематике, объектом которой служит какое-либо логическое, математическое или иное научное знание, единственно возможной основой, определяющей выбор при отнесении к ценности, может быть *только* значимая для нас ценность “истины”, а, следовательно, и прогресс в направлении к ней» [Вебер 1990^а, 593].

Источники – Primary Sources

Вебер 1990^а – Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415 (Weber, Max, *Die “Objektivität” sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis*, Russian Translation).

Вебер 1990^б – Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 495–546 (Weber, Max, *Über einige Kategorien der verstehenden Soziologie*, Russian Translation).

Вебер 1990^в – Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643 (Weber, Max, *Soziologische Grundbegriffe*, Russian Translation).

Вебер 1990^г – Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272 (Weber, Max, *Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus*, Russian Translation).

Вебер 1990^д – Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 547–601 (Weber, Max, *Der Sinn der “Wertfreiheit” der soziologischen und ökonomischen Wissenschaften*, Russian Translation).

Вебер 1994 – Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 43–77 (Weber, Max, *Der Sinn der “Wertfreiheit” der soziologischen und ökonomischen Wissenschaften*, Russian Translation).

Виндельбанд 2007 – Виндельбанд В. «Святыня» (очерк по философии религии) // Виндельбанд В. Прелюдии: философские статьи и речи. М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007. С. 297–318 (Windelband, Wilhelm, *Das Heilige (Skizze zur Religionsphilosophie)*, Russian Translation).

Дильтей 1992 – Дильтей В. Описательная психология // Истории психологии. Период открытого кризиса / Ред. П.Я. Гальперин, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1992. С. 319–346 (Dilthey, Wilhelm, *Ideen zu einer beschreibenden und zergliedernden Psychologie*, Russian Translation).

Кассирер 1993 – Кассирер Э. Эссе о человеке. Введение в философию человеческой культуры. Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1993. № 1. С. 3–27 (Cassirer, Ernst, *An Essay on Man*, Russian Translation).

Ясперс 1991 – Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991 (Jaspers, Karl, *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*, Russian Translation).

Ясперс 1994 – Ясперс К. Речь памяти Макса Вебера // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 553–566 (Jaspers, Karl, *Max Weber. Eine Gedenkrede*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Гутнер 2010 – Гутнер Г.Б. Вебер Макс // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2010. С. 373–374.

References

Gutner, Grigoriy B. (2010) “Max Weber”, *New philosophical encyclopedia in four volumes*, Vol. 1, Mysl’, Moscow, pp. 373–374 (in Russian).

Сведения об авторе

ЯБЛОКОВ Игорь Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Author’s Information

YABLOKOV Igor N. – DSc in Philosophy, Professor, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.